

ТУНИС-2015. ЗНАКИ ГРЯДУЩЕЙ БЕДЫ

Василий Кузнецов

Успешность завершения формальной стадии демократического транзита в Тунисе осенью 2014 г. не гарантировала стране защиту от возможной политической и социальной дестабилизации. В настоящее время как в политическом сообществе, так и в экспертной среде республики считается, что новая волна политического и, вслед за ним, национально-го кризиса очень вероятна, причем она вполне может ознаменоваться более масштабным кровопролитием, чем предыдущие — причем речь идет не о деятельности отдельных джихадистских группировок, сколь бы страшна она ни была, а о массовом насилии, ведущем к гражданской войне.

Существует четыре основных предпосылки для подобного сценария: хрупкость баланса политических сил, протестные движения социально-экономической направленности, террористическая угроза, высокая популярность джихадизма в некоторых сегментах общества.

I. ВСЕОБЩАЯ ХРУПКОСТЬ

Как известно, прошедшие в стране осенью 2014 г. парламентские и президентские выборы завершились победой так называемых светских сил, или, что точнее, сил, представляющих старую элиту страны. Большинство мест в Народной Ассамблее заняла партия «Нидаа Тунис», а президентское кресло досталось ее основателю и лидеру Бежи Каиду ас-Себси. В отличие от Египта, где после июльского переворота 2013 г. «Братья-мусульмане» были жестко вытеснены из политического пространства, в Тунисе партия «ан-Нахда» не только во-

шла в парламент, но и составила там мощную фракцию, получив 69 депутатских мандатов (на 20 меньше, чем в 2011 г.). На президентских выборах партия не выставляла никакой кандидатуры и — более того — официально заявила о своей равноудаленности от обоих кандидатов, вышедших во второй тур, — бывшего президента Монсефа Марзуки и Бежи Каида ас-Себси. Несмотря на это заявление, есть основания полагать, что сторонники «ан-Нахды» в основной своей массе голосовали за М. Марзуки, который считался человеком, близким к исламистам. Косвенным доказательством этого служит тот факт, что его собственная партия («Конгресс за республику») на парламентских выборах получила на порядок меньше голосов, чем он один на президентских.

Проигрыш Марзуки поставил «ан-Нахду» перед выбором — либо уходить в оппозицию, либо налаживать сотрудничество с победителями. Видимо, опасаясь повторения в Тунисе египетского сценария, партия выбрала второй вариант. «Нидаа Тунис», в свою очередь опасаясь дальнейшей поляризации общества и не обладая ресурсами египетской армии, также стремилась наладить диалог. В результате исламистам было предложено несколько министерских портфелей и посты в руководстве парламентской ассамблеи.

Альянс между «Нидаа Тунис» и «ан-Нахдой» имел, вне всякого сомнения, позитивные последствия для политической ситуации в стране и в целом соответствовал духу начатого годом ранее Национального Диалога. Помимо снятия социальной напряженности он позволил «ан-Нахде» продемонстрировать свою республиканскую ориентированность и тем самым

дистанцироваться от наиболее радикальных салафитских движений, что повысило авторитет партии в обществе.

По некоторым свидетельствам, сотрудничество между двумя «Нидаа Тунис» и исламистами выходит далеко за пределы распределения правительственных постов — оно также касается перераспределения мест в административных структурах местного уровня и, видимо, бизнеса. И в той и в другой сфере за три года пребывания у власти представители «ан-Нахды» успели занять прочные позиции, и, кажется, некоторые из них им было позволено сохранить. Кроме того, сотрудничество между партиями обеспечивает внешнеполитическую гибкость Туниса

(см. далее).

Сближение двух партий естественным образом привело к вытеснению на маргинальные позиции иных участников политического процесса — прежде всего ультралевых «Народного фронта» и Монсефа Марзуки.

Оба они оказались вынуждены перейти в жесткую оппозицию правительству.

Переформатирование политического пространства, разрушение, казалось бы, прочных альянсов и формирование новых продемонстрировали вторичность идеологического и ценностного фактора в политической жизни страны и возможность преодоления на первый взгляд фундаментальных

разногласий для достижения конкретных политических целей.

Вместе с тем это переформатирование и последовавшее за ним уменьшение социальной напряженности привело к снижению консолидированности основных политических партий и, следовательно, к росту кризисных явлений внутри них.

Свидетельством кризиса внутри исламистского движения стала отмена очередного партий-

ного съезда, который должен был пройти этим летом, а также откровенные заявления Лутфи Зитуна — близкого к Р. Ганнуши «ястреба».

Основных причин для этого кризиса три.

Во-первых, партия оказалась в уникальной ситуации, плохо сочетающейся с ее структурой, когда она не правит, но все же участвует во власти. Дело в том, что лидер партии — Рашид Ганнуши (*аш-Шейх*, как его называют *нахдауи*) — всегда оставался лидером, либо пребывающим в радикальной оппозиции к власти, либо руководящим страной из-за кулис, но не занимающим официальных должностей. Оба положения позволяли ему сохранять безупречность духовного руководства и избегать критики по вопросам текущей политики — фактически он всегда мог заниматься политикой, не становясь политиком. Теперь же это стало невозможно, а сохранение морального авторитета требует больших усилий, нежели ранее. По всей видимости, с этим связана активизация международной активности аш-Шейха, пытающегося выступать медиатором по вопросам, связанным с судьбой исламистов в других странах, в частности в Ливии и Египте.

Вторая причина связана с внутренней раздробленностью партии и судьбой Р. Ганнуши. Согласно упорным слухам (от которых, впрочем, не избавлен ни один тунисский лидер), он очень нездоров, и вопрос о наследнике стоит в партии самым серьезным образом. Учитывая известную раздробленность исламистского движения, сосуществование в нем умеренного национально-ориентированного крыла и сил, близких к салафитам (а то и к джихадистам — член Шуры Валид Баннани неоднократно обвинялся в связях с террористами), и выдающуюся способность Р. Ганнуши примирять всех со всеми, решение этого вопроса кажется отнюдь не очевидным. Понятно только, что на место преемника не смогут претендовать ни радикалы (Садок Шуру, Валид Баннани, Хабиб Луз), ни вице-президент партии Абдельфаттах Муру, ни бывший премьер Али аль-Арайид. Приход первых означал бы радикализацию партии; приход А. Муру не встретит поддержки у партийной молодежи, радикалов и выходцев из внутренних регионов (он считается типичным представителем столицы), аль-Арайид же просто слаб, несамостоятелен и одновременно агрессивен, почему, видимо, и был назначен когда-то премьером.

Кузнецов Василий Александрович — кандидат исторических наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. Автор ряда работ по проблемам социально-политического развития стран Магриба

Третья причина кризиса «ан-Нахды» — это конфликт между руководством партии и ее социальной базой. Очевидно, что прагматизм руководства рассматривается ее наиболее верными сторонниками как неприемлемый конформизм, но пока что исторический авторитет движения не позволяет им покинуть его ряды. В случае же возможного ухода Р. Ганнуши ситуация изменится, партия может резко утратить популярность, а в стране появится несколько сотен тысяч умеренных исламистов (считается, что у партии порядка 800 000 верных последователей), лишенных реального политического представительства. При подобном сценарии велика вероятность сближения этих старых нахдистов с салафитами, что станет очередной угрозой безопасности, в особенности в южных и внутренних регионах — оплоте исламистов.

Что касается «Нидаа Тунис», то она гетерогенна в еще большей степени, чем «ан-Нахда», — в конце концов, главной причиной ее создания в свое время послужила необходимость противостояния исламистам, а ее лидер находится в еще более преклонном возрасте, чем Р. Ганнуши. Несмотря на то, что люди, близкие к президенту, утверждают, что у него отменное здоровье, что он работает по восемь часов в день, много читает и сохраняет полный контроль над политическим процессом, актуальность вопроса о смене поколений всем очевидна.

Став президентом республики, ас-Себси вынужден был отойти от руководства партией, передав свой пост Мухаммеду ан-Насеру — восьмидесятилетнему политику, как и ас-Себси принадлежащему к поколению министров Бургибы. В реальности видится, что сегодня коалиционное руководство возглавляют несколько вице-президентов и два советника президента. Все они представляют определенные кланы, каждый из них, похоже, метит в президенты. Среди наиболее вероятных кандидатур обычно называют Таййиба Баккуша, Мохзена Марзука и сына Бежи — Хафиза Каида ас-Себси.

Т. Баккуш наименее вероятен из трех, хотя и обладает значительным авторитетом в обществе и является одним из исторических лидеров профсоюзного движения. Вместе с тем как политик он очевидно слаб — в свое время назначение его на пост генерального секретаря было связано с необходимостью привлечь голоса интеллигенции и левых. Главным потенциалом сына ас-Себси является его связь

с отцом, который поддерживает его политические амбиции, а также связь с выходцами из распущенного в 2011 г. RCD — не случайно именно Хафиз сегодня отвечает за партийное строительство «Нидаа Тунис». По всей видимости, эта связь с рсдистами делает его и связующим звеном с крупным бизнесом, поддерживающим партию. Наконец, третья фигура — Мохзен Марзук, годом ранее посещавший Москву, — многим видится наиболее вероятной. Его поддерживает значительная часть бизнес-сообщества, маоистское прошлое делает его кандидатуру привлекательной для левого крыла партии, а активное участие в международных делах придает авторитет на международной арене.

Другой проблемой партии является ее очень слабая идеологическая база. В принципе, в отсутствие конфликта с исламистами ценностные основания «Нидаа Тунис» оказываются совершенно размытыми, и партия все больше начинает походить на RCD в последние годы ее существования — структуру, хоть и присутствующую повсюду, но все же очень аморфную.

Третья сила, переживающая внутренний кризис, — это «Народный Фронт» (НФ), представляющий собой коалицию десятка ультралевых и панарабистских партий. «Народный Фронт» получил 15 мест в парламенте на выборах 2014 г., что на девять мест больше, чем завоевали вошедшие в него партии в 2011 г. Однако в абсолютных значениях партия в 2014 г. набрала на 30 тыс. меньше голосов, чем в 2011 г., — расширение присутствия в парламенте было вызвано спецификой распределения мандатов. Проблема НФ, как, кстати, и проблема еще полутора сотен политических партий, состоит в том, что «ан-Нахда» и «Нидаа Тунис» разделили политическое пространство страны между собой, оставив прочим маргинальные позиции. Поскольку, как показал опыт кризиса 2013 г., НФ не способен к окончательной радикализации, ему приходится занять положение вечного критикана, что в конечном счете начинает вызывать раздражение в обществе.

При этом, как и ранее, НФ демонстрирует тесное взаимодействие с низовыми структурами профсоюзов, активно участвует в забастовочном и стачечном движении.

Характерным примером деятельности НФ последнего времени стал июньский скандал, когда в Интернете было распространено за-

явление от имени двух партий — членов НФ с призывом к немедленной отставке правительства, национализации всех природных богатств страны и т. п. радикальным мерам. Учитывая, что природные ресурсы Туниса и так управляются государственными компаниями, единственным смыслом этого документа была социальная мобилизация. Столкнувшись с резким неприятием общества, руководство партии отреклось от своего авторства.

В нынешних условиях подобная линия дискредитирует партию в истеблишменте страны, однако позволяет ей поддерживать некоторую популярность в народной среде, скатываясь, правда, в совершенный популизм, не подтверждаемый ее реальными политическими действиями.

Другую оппозиционную силу страны представляет Монсеф Марзуки. Три года пребывания в правительственной коалиции оказались самоубийственными для его родной партии — «Конгресса за республику», однако его самого это не коснулось — сказала традиционная любовь народа к вождям, да и негласная поддержка нахдистов на президентских выборах. Таким образом, к лету 2015 г. Марзуки оказался лидером без партии, пытающимся капитализировать свою популярность. Сейчас он создает новую партию *Харака аш-шааб аль-муватинин* — идеология ее очевидно популистская, в значительной степени основывается на борьбе с коррупцией, регионализме юга, раскрытии антинародных заговоров. Интересно, что, по некоторым данным, сооснователем движения собирается стать Хамади Джебали, покинувший ряды «ан-Нахды» в прошлом году. Этот политический пируэт служит еще одним доказательством превалирования политического над идеологическим в деятельности исламистов.

Несмотря на некоторую карикатурность всех этих демаршей, Марзуки в южных регионах страны пользуется просто феноменальной популярностью — сторонники его едва ли не обожествляют, называют гением, моральным эталоном и т. п.

Интересно, что если сравнить три фигуры, претендующие на политическое лидерство в стране, — Каида ас-Сибси, Ганнуши и Марзуки, то всем им их сторонники приписывают одни и те же добродетели: ум, чистоту помыслов, неподкупность, мудрость и т. п. Но никогда, например, решительность или способность

на жесткие действия — по всей видимости, это указывает на специфику тунисских представлений о лидерстве, резко отличающихся от традиций других арабских стран.

Таким образом, несмотря на внешнее спокойствие, политическая ситуация в стране остается очень хрупкой, а учитывая общий социально-экономический фон — и опасной.

II. БЕССМЫСЛЕННЫЙ. НЕ БЕСПОЩАДНЫЙ

Завершение периода политической нестабильности не привело пока к улучшению экономической ситуации в республике. Более того, кажется, именно сейчас экономический спад, продолжавшийся последние годы, начинает проявляться наиболее остро. Помимо понятного отложенного экономического эффекта свою роль тут играют и общая ситуация в регионе, и активность террористических групп в стране, негативно сказывающаяся на ее туристическом имидже. Одновременно с этим активность низовых структур профсоюзов, подкрепленная игрой с популистскими лозунгами «Народного Фронта», Монсефа Марзуки и некоторых других сил в совокупности со слабостью правительства, опасаясь применять жесткие меры, привела к тому, что забастовки на крупных предприятиях стали попросту способом существования людей в ряде регионов. В результате, например, Компания фосфатов Гафсы, являющаяся главным работодателем в одноименном гвернорате, сначала (в 2011–2014 гг.) расширила свой штат с 6000 до 15 000, одновременно вынужденно снизив производительность до уровня 1932 г., а теперь и вовсе прекратила работу. В конечном счете едва ли не все бизнесмены — как крупные, так и мелкие — признаются, что дела сейчас обстоят еще хуже, чем в прошлом году, и улучшений не предвидится. Значительный рост цен на продукты питания и услуги также стал очевиден за последний год.

Притом что от кризиса страдают все, особенно остро ситуация складывается на юге страны — и потому, что это изначально отстающие гвернораты, и потому, что крупной промышленности тут немного и практически вся она играет структурообразующую роль в соответствующих районах, но еще и потому, что в результате проигрыша М. Марзуки на пре-

зидентских выборах и «ан-Нахды» и «Конгресса за республику» на парламентских выборах юга чувствует себя недопредставленным во властных эшелонах, что возрождает в нем старые обиды на правительство, которое якобы всегда игнорировало «теневые зоны».

Так, в Дузе (гувернорат Кебилия, «ворота» в Сахару) развернулась кампания «Уайна-ль-битруль?!» — «Где нефть?!», вскоре охватившая всю страну. Она началась с того, что молодежь из местечка Бир Хадж, где одна канадская компания должна приступить к разработке небольшого месторождения нефти, устроила митинг, требуя создания рабочих мест и отчисления доходов от нефтедобычи в региональный бюджет. Полиция, столкнувшись с манифестантами, применила силу, что вызвало еще более ожесточенные протесты — митингующие забрасывали стражей порядка камнями и коктейлями Молотова, пока те не отступили.

Правительство обвинило в дестабилизации обстановки антигосударственные силы, и прежде всего салафитов, и объявило в городе комендантский час, разрешив силам безопасности открывать огонь на поражение в вечерние часы. Одновременно с этим для разговора с протестующими в город ездили ас-Сибси и Рашид Ганнуши, причем присутствие последнего, кажется, дало позитивный эффект — сказалась популярность исламистской партии.

При этом, несмотря на известный религиозный ригоризм жителей Юга (но в большей степени даже не Дуза, а соседних городков — Эль-Голаа и Сук аль-Аху, где салафиты недавно сожгли полицейский участок), выступления в сущности своей не имели религиозной направленности. Использование властями исламистской химеры для борьбы с протестными движениями возродило в памяти населения времена Бен Али, повсеместная борьба с ИГИЛ усилила страхи преследования по религиозным основаниям, и в результате многие салафиты — не только в Дузе, но и повсюду в стране — начали скрывать свои религиозные взгляды. Понятно, что этот тренд несет с собой определенные риски, поскольку вновь заставляет значительную часть политически активного населения уходить в подполье.

Между тем вскоре кампания «Уайна-ль-битруль?!» охватила весь Тунис, однако, когда

ее участники попытались организовать выступления в столице, власти это жестко пресекли. Выйдя на национальный уровень, проблема Бир Хаджа приняла несколько гротескную форму. Фактически, по мнению выступавших, речь шла о том, что правительство скрывает от народа необыкновенные нефтяные запасы в интересах западных компаний, причем основным аргументом в пользу самого наличия этих запасов были ресурсы Ливии и Алжира. Откровенная глупость требований и их ориентированность на интересы только одного региона в конечном счете помешали кампании принять истинно национальный масштаб.

Интересно, что, по широко распространенному мнению, «Уайна-ль-битруль?!» началась не сама по себе, но была инициирована через социальные сети сторонниками Марзуки. Так или нет — сказать сложно, но то, что бывший президент попытался заработать на ней очки, — факт, как факт и то, что именно он, будучи выходцем из Кебили, всегда оставался самой популярной политической фигурой в регионе.

Историй, подобных «Уайна-ль-битруль?!», хотя и не столь шумных, привести можно много, но все они в той или иной мере похожи друг на друга.

Другим важным фактором и в политической, и в еще большей степени социально-экономической жизни страны сегодня становятся отношения с Ливией, особенно значимо сказывающиеся на южных регионах.

Сказать, сколько именно ливийцев сегодня находится в Тунисе, затруднительно — цифры, озвучиваемые экспертами и политиками, варьируются от двухсот тысяч до миллиона четырехсот тысяч. Наиболее реалистичной кажется следующая картина. Постоянно в Тунисе проживает от пяти до десяти тысяч выходцев из Ливии, полностью порвавших связь с родиной. Еще порядка ста пятидесяти тысяч живут в Тунисе по несколько месяцев, периодически навещаясь домой. Наконец, еще около миллиона ливийцев постоянно приезжают в Тунис на срок от нескольких дней до нескольких месяцев — каждый из пунктов пересечения границы (Раас аль-Джедир и другие) фиксирует ежедневно порядка полутора-двух тысяч человек, приезжающих в страну.

В большинстве своем ливийцы вполне платежеспособны. Многие из них приезжают

сюда, чтобы отправить детей в школу, многие — за лечением или по делам бизнеса. Те, кто намеревается остаться в Тунисе, иногда вкладывают деньги в сферу услуг, открывая рестораны, кафе, изредка — гостиницы; но в основной своей массе они не настроены ни работать, ни инвестировать — сказывается специфика жизненного опыта, полученного при М. Каддафи.

Что же касается небольшой доли выходцев из Ливии, которые оказались в стране вынужденно и без средств, то ими занимаются ливийские и тунисские общественные организации.

Важным аспектом ливийского экономического фактора является трансграничная торговля. Пока жители Дуза и Гафсы борются за свои нефть и фосфаты, жители Бен Гардана (губернорат Меденин) зарабатывают на торговле с Ливией. Фактическое отсутствие государственности в соседней стране привело к тому, что она превратилась в огромный рынок азиатских товаров, прежде всего электроники. Тунисцы ввозят бытовую технику якобы для личных нужд, обходя тем самым таможенные препоны, и перепродают ее уже в Бен Гардане. Город в целом производит странное впечатление — несколько дорогих магазинов, вполне соответствующих столичным представлениям о шике, ряды менял, лежа на топчанах, пересчитывающих пачки купюр, оживленная торговля на базаре... И вместе с тем — неприкрытая нищета, попрошайки, толпы безработной молодежи, общая угрюмость и неприветливость к чужакам — короче говоря, все то, что свойственно тунисскому югу вообще и губернорату Меденин в частности. Представляется, что торговый бум несет с собой не только понятный позитивный эффект, но и потенциальные опасности. Появление нуворишей, сделавших в последнее время миллионные состояния, легко ведет к нарушению межплеменного баланса на границе, с одной стороны, и внутрирегионального с другой; ведь процветание Бен Гардана никак не меняет ситуацию в других областях губернората. Результатом может стать мощный социальный взрыв, который, учитывая ливийский фактор, вероятно, обретет черты восстания под религиозными знаменами. Подобный взрыв вряд ли распространится на всю страну, однако он вполне может втянуть Меденин в ливийскую турбулентность.

Если же говорить о существующих сегодня на Юге протестных движениях, то обращает на себя внимание следующее.

Во-первых, спонтанность акций, фактическая их неподконтрольность профсоюзам или каким-либо иным социально-политическим силам. Понятно, что каждая из них пытается так или иначе использовать протестные движения, но управлять ими, кажется, не может сегодня никто. По всей видимости, спонтанные протесты объясняются, с одной стороны, ощущением слабости центральной власти (так, в Гафсе на протяжении последних нескольких лет каждый активный участник забастовок немедленно получал место в Компании), с другой — общей неудовлетворенностью населения и разбалансировкой системы социальных отношений. Наконец, они связаны также и с тем, что в результате демократизации политической системы и общественной жизни оказались сняты многие табу, и общество столкнулось с необходимостью отвечать на массу вопросов, ранее как бы не существовавших вовсе. Это и вопросы о единстве нации, и о роли регионов, и о роли меньшинств — не случайно, что где-то за месяц-два до поисков нефти вся страна столь же оживленно дискутировала о правах ЛГБТ, и в некоторых районах столицы до сих пор можно увидеть граффити «Stop Homophobia!».

Во-вторых, в этих акциях социально-экономическая мотивация протестующих тесно переплетается с мотивациями архаическими — вопросы рабочих мест, финансовых отчислений и прочее легко увязываются с выяснением старых межплеменных и межтерриториальных споров. Так, например, в регионе Гафсы вновь актуализировался земельный спор между несколькими фратриями одного племени. На землях одной из них в 1970-е годы власти построили железную дорогу, и другие фратрии требовали перераспределения собственности с тем, чтобы также получить финансовые возмещения от правительства. Результатом возобновления споров сегодня (июнь 2015 г.) стало несколько раненых, но процесс еще не завершен.

В-третьих, почти все эти протестные кампании в общем и целом лишены какого бы то ни было идеологического содержания, и ни одна из них не может получить существенной поддержки на национальном уровне.

не. «Уайна-ль-битруль?!» составляет здесь некоторое исключение, хотя тоже относительно, но оно, видимо, связано с удачной игрой на свойственной тунисцам конспирологии и антизападничестве.

В-четвертых, объединяет все эти движения их в сущности своей антиреспубликанский характер. Так, жители Гафсы требуют получения доходов от добычи фосфатов, жители Габеса — от их обработки, жители Дуза — от нефти, жители Меденина — от торговли с Ливией и т. п. В совокупности с возросшей ролью архаичных связей во всех этих движениях, по всей видимости, это демонстрирует некоторый кризис национальной тунисской идентичности.

III. АБСОЛЮТ УЖАСА

На протяжении 2011–2014 гг. существовало три основных угрозы безопасности тунисскому обществу — повседневная преступность, с которой не могло справиться правительство Тройки, деятельность салафитов («Лиги защиты революции», «Ансар аш-шариа» и т. п.), нападавших на представителей светских сил, и джихадистская активность. При этом, несмотря на всю жестокость джихадистов, именно первые две угрозы в наибольшей степени влияли на повседневную жизнь общества, создавая постоянное ощущение небезопасности и чувство страха.

Сегодня деятельность «Ансар аш-Шариа» и «Лиги по защите революции» запрещена, полиция демонстрирует успехи в обеспечении порядка на улицах, и в целом ощущения безопасности в стране стало больше. Однако одновременно с этим произошла явная активизация джихадистских структур.

Получивший широкий международный резонанс теракт в музее Бардо 18 марта 2015 г. был далеко не первым. На протяжении всего последнего года СМИ регулярно объявляют о раскрытии органами безопасности деятельности тех или иных террористических групп и об арестах джихадистов. Правда, насколько речь идет о реальной угрозе, а в каких случаях начинается охота на ведьм, остается большим вопросом — известно, что в народных кварталах полиция усилила наблюдение за посещениями жителями мечетей (как при Бен Али), а аресты салафитов происходят постоянно, и далеко не все они оправданны. Между тем, по призна-

нию самих салафитов, именно тюрьма становится для них местом для поиска единомышленников и передачи опыта.

Некоторые теракты при этом предотвратить не удается — так, в июне друг за другом в стране были совершены две джихадистские атаки.

Жертвами первой из них, произошедшей 15 июня, стали четыре сотрудника Национальной Гвардии, еще полтора десятка гражданских было ранено. Характерно, что в тот раз имели место два синхронных нападения — одно в центре страны (губернорат Сиди-Бу-Зид, неподалеку от городка Сиди Али Бен Аун), другое — на северо-западе (губернорат Джендуба, городок Гардимауи). Оба гористых региона давно стали оплотами деятельности джихадистов, причем в Джендубе их сети тесно связаны с тунисско-алжирской контрабандной торговлей, а атаки напоминают по стилистике манеру алжирских джихадистов. Одновременность атак 15 июня демонстрирует согласованность действий между двумя джихадистскими группами. Правительство обвинило в терактах Бригаду Укбы ибн Нафия, которая и раньше совершала подобные преступления, однако одновременно с этим ответственность взяло на себя «Исламское государство».

Второй теракт, свершившийся в Сусе 26 июня, получил значительно больший международный резонанс.

В тот день около полудня на пляже напротив отеля «Imperial Marhaba», располагающегося в туристическом городке Порт-Эль-Кантауи под Сусом, появился молодой человек в шортах и майке с пляжным зонтиком в руках. Позже следствие установит, что молодого человека звали Сейфаддин Резги, что был он уроженцем маленького городка под Силианой (центр страны) и происходил из бедной семьи. Что учился в магистратуре Высшей технологической школы в Кайруане на инженера и обожал брейкданс. Что за границей, судя по отметкам в паспорте, не бывал, полицией не привлекался и вообще ни в чем подозрительном замечен не был. Правда, еще позже появится информация, что он, вроде бы, проходил подготовку в ливийских лагерях джихадистов, однако документальных подтверждений этому так и не будет.

Сейфаддин прогулялся по пляжу, расчехлил зонтик, вытащил Калашников...

Кто-то из выживших расскажет потом, что первые выстрелы люди приняли за взры-

вы петард и даже не пошевелились. Но через несколько мгновений у бассейна раздался грохот разорвавшейся гранаты.

Погибло тридцать восемь человек. Более тридцати было ранено.

Полиция прибыла лишь через полчаса.

Той же ночью «Исламское государство» объявило через Твиттер, что теракт был совершен бойцом организации Абу Яхьей аль-Кайруани — так они называли Сейфаддина.

Трагедия в Сусе показывает, что если изначально тунисские джихадисты осуществляли свои акции лишь локально и, кажется, были более или менее независимы от глобальных террористических сетей, то сегодня произошло их слияние с ИГИЛ. Теракты в музее Бардо, в Сиди-Бу-Зиде и Джендубе, в Сусе, предупреждения ИГИЛ о готовящихся терактах на бортах компании Tunisair и в туристических центрах говорят о растущих амбициях джихадистов и их стремлении дестабилизировать ситуацию во всей стране, нанеся удар по главной отрасли тунисской экономики — туризму.

Снижение на четверть (по сравнению с показателями прошлого года) количества отдыхающих в стране иностранцев в результате теракта в Бардо и массовый отъезд туристов после трагедии в Сусе говорят об эффективности выбранной тактики.

На события в Сусе правительство отреагировало быстро. Буквально тем же вечером премьер-министр объявил план из двенадцати срочных антитеррористических мер:

1. Открытие расследования по факту произошедшего.
2. Закрытие в течение недели восьмидесяти мечетей, в которых ведется пропаганда экстремизма.
3. Юридическая проверка, вплоть до роспуска, всех политических партий и общественных организаций, деятельность которых противоречит конституции страны.
4. Пересмотр декрета об общественных организациях с целью усиления государственного контроля над их деятельностью и финансированием.
5. Призыв резервистов с целью усиления армейского контроля над наиболее чувствительными территориями.
6. Объявление ряда горных районов зонами проведения закрытой военной операции.
7. Приведение в действие чрезвычайного плана по обеспечению безопасности туристических зон, пляжей, музеев, археологических памятников.

ческих зон, пляжей, музеев, археологических памятников.

8. Организация национального конгресса по антитеррористической борьбе в сентябре 2015 г.
9. Назначение вознаграждения за помощь в предотвращении терактов, идентификации террористов и обеспечении их поимки.
10. Созыв экстренного заседания совета министров для обсуждения проблем национальной безопасности.
11. Объединение всех политических партий в борьбе против терроризма.
12. Созыв Совета национальной безопасности для принятия дополнительных мер.

По меньшей мере половина этих мер не была напрямую связана с событиями в Сусе. Так, очевидно, что о мечетях, ставших прибежищем джихадистов, экстремистских партиях, ведущих незаконную деятельность НПО правительству было известно и ранее. Более того, они были известны далеко не только одному правительству. Скажем, мечеть на Баб ас-Суика в центре столицы, где четыре года назад раздался призыв громить кинотеатр в отеле «Африка», демонстрировавший «богохульный» фильм «Ни Аллаха, ни хозяина», как была, так и осталась приютом для радикалов. Что касается политических партий, то буквально за пару недель до трагедии в стране в очередной раз активно обсуждалась необходимость запрета деятельности «Хизб ат-тахрир», как раз собравшейся провести свой очередной съезд. Очевидно, что бездействие правительства на этих направлениях было связано с неизбывным страхом обвинений в недемократичности и неготовностью к непопулярным мерам, то есть слабостью.

Последовавшее вскоре за «Планом Эссида» решение президента объявить в стране чрезвычайное положение — впервые после свержения Бен Али — и относительно спокойная реакция на это общества говорят о том, что события в Сусе предоставили власти некое окно возможностей, обеспечив ее на короткое (очень короткое) время народной поддержкой.

При этом ситуация осложняется несколькими обстоятельствами.

Прежде всего открытостью ливийской границы, уже приведшей к появлению на юге страны — в районе города Эль-Джем — рын-

ка оружия, на котором автомат Калашникова можно приобрести за 800–1500 евро в зависимости от страны-производителя, качества сборки и т. п. Кроме того, недееспособность ливийской государственности привела также к полной неразберихе с документами ливийцев, прибывающих в Тунис. Притом что только на коротком участке дороги между Раас эль-Джедир и Бен Гарданом установлено четыре КПП и еще несколько между Бен Гарданом и близлежащими городами, в реальности проверить личность того или иного иммигранта почти нереально. Каждое ливийское правительство выдает свои идентификационные документы, компьютерные системы тунисских и ливийских пограничников никак между собой не связаны.

Ливийский фактор естественным образом облегчает интегрирование тунисских джихадистов в региональную террористическую сеть и одновременно позволяет обеспечивать их финансирование за счет контрабанды. Впрочем, контрабанда через алжирскую границу также играет свою роль, причем не только финансовую — помимо всего прочего, из Алжира в страну поступают и пропагандистские материалы салафитов.

Другую проблему составляет очевидная слабость и правительства, и — особенно — органов безопасности, раздираемых внутренними скандалами, взаимным недоверием полиции и армии, отсутствием у внутренних сил серьезного опыта антитеррористической борьбы и т. д. Все это заставило власти серьезно заговорить о модернизации системы безопасности страны, техническом ее переоснащении и о реформировании системы образования в этой области.

Наконец, третье обстоятельство — это наличие негативного регионального контекста, центральное место в котором, конечно, занимает Ливия, рассматриваемая как основной источник угроз.

Стратегия борьбы с ними сегодня, по всей видимости, включает в себя два основных направления.

Во-первых, она состоит в диверсификации внешнеполитических связей и в поиске защиты у глобальных игроков. Именно этим, по всей видимости, объясняется и усилившееся взаимодействие в сфере безопасности с Алжиром, и подписание союзнического договора с США, и назначение (впервые в истории)

военного атташе в Москву. Конкретные выгоды от последних двух действий до сих пор не вполне ясны, однако понятно, что активность на российском и американском направлениях, по логике Карфагена, должна подстегнуть и его европейских партнеров.

Одновременно с этим Тунису приходится пересматривать отношения с государствами Залива, которые в 2011–2014 гг. (в особенности Катар) считались основной силой, поддерживающей «ан-Нахду», однако отказ исламистской партии от противостояния с «Нидаа Тунис» и демонстративный «республиканский поворот» вроде бы омрачили ее отношения с монархиями Залива. Характерно, что именно Форум аль-Джазир в Дохе выбрал Монсеф Марзуки, чтобы заявить о своем возвращении на политическую сцену Туниса после нескольких месяцев фактического молчания, последовавшего за поражением на президентских выборах. Общая риторика Марзуки — почти марксистская, направленная против крупной тунисской буржуазии, «подрывающей революцию», указывает на его разрыв с «ан-Нахдой» — не только старым союзником, но, по некоторым данным, и спонсором бывшего президента. В принципе, получение им поддержки у стран Залива выглядит вполне вероятным — по распространенному в Тунисе мнению, последние заинтересованы в провале «тунисской модели» демократического транзита.

Другое направление решения ливийской проблемы — это поддержка восстановления государственности в этой стране. В этом плане Тунис находится в несколько щекотливом положении — оказывать прямое военное давление на те или иные силы внутри Ливии он не в состоянии, а в его элите существуют диаметрально противоположные взгляды на них. Так, светское крыло «Нидаа Тунис», старая буржуазия, бывшие рсдисты (от RCD) поддерживают, конечно, генерала Хафтара и международно-признанное правительство в Тобруке. Вместе с тем «ан-Нахда» небезосновательно рассматривает Хафтара и покровительствующего ему ас-Сиси как диктаторов, чья политика прямо противоположна устремлениям Арабской весны и альтернативу которым составляет «Фаджр Либия». Помимо естественной идеологической солидарности и давних связей с некоторыми активистами из этой исламистской коалиции такая позиция имеет и прагматическое

обоснование, ведь если кто-то и контролирует ситуацию в Триполитании, то это «Фаджр Либия», выполняющая роль щита, защищающего Тунис от ИГИЛ. И это при том, что, по признанию некоторых источников в «Фаджр Либии», Хафтар при любом развитии событий останется для них врагом № 1, более неприемлемым, чем даже ИГИЛ.

В результате соперничества двух подходов со стороны позиция Туниса по Ливии кажется сегодня несколько непоследовательной — так, например, официально признавая правительство в Тобруке, одновременно президент заявляет и о признании властей Триполи. Однако подобная невнятность, пожалуй, прикрывает гибкость тунисской дипломатии, в которой главную роль по взаимодействию с властями Триполитании играет «ан-Нахда». Руководство партии без конца встречается на территории Туниса с представителями различных ливийских сил, посредничает в переговорах между ними, пытается защищать интересы тунисцев, находящихся на территории Ливии. Характерно, что после похищения в июне десятка тунисцев именно Р. Ганнуши, а не правительством велись переговоры с ливийскими милициями по их освобождению. Для «ан-Нахды» вся эта деятельность также важна — она позволяет увеличивать реальный вес партии на тунисской политической сцене, оказывая периодически давление на президента и правительство.

Впрочем, с ливийскими политиками активно работает не только «ан-Нахда», но и значительная часть тунисского политического, гражданского и экспертного сообщества. Последние передают ливийцам опыт построения гражданского общества, партийного строительства, правозащитной и правовой деятельности и т. п. — так, например, тунисские юристы напрямую участвуют в написании очередного проекта ливийской конституции.

IV. МИР ПАЦАНОВ

Четвертый фактор, напрямую угрожающий безопасности Туниса, это ИГИЛ. Причем речь в данном случае идет не о террористической деятельности иностранной организации, а о ее относительной популярности в самом тунисском обществе, в целом далеком от радикализма. Сама специфика выстраивания в этом

обществе социальных отношений, относительная модернизированность и десятилетиями пестуемая светская национальная идентичность в совокупности с жесткой антиисламистской политикой государства всегда приводили к вытеснению джихадистов вовне — в ряды «Аль-Каиды» или других подобных структур. Сегодня же, притом что, по официальным данным, в Сирии в ИГИЛ сражается от трех до четырех тысяч тунисцев, практически каждый мой знакомый из бедных кварталов столицы знает кого-нибудь, кто присоединился к «Исламскому государству». Популярность организации в стране такова, что она имеет возможность гибко подходить к вербовке новых членов, активно действуя в университетской среде, в особенности на технических факультетах.

По признанию некоторых высокопоставленных представителей власти, в социально-географическом отношении ИГИЛ концентрируется на народных кварталах больших городов и районах Юга — Бен Гардане, Меденине, Кебили и других. Однако она практически не присутствует в развитых туристических зонах вроде Джербы или Зарзиса, жители которых больше мечтают перебраться в Европу, чем на Восток.

Указанные же районы не только бедные, но и всегда служившие оплотом деятельности салафитов. Последних сами местные жители обычно разделяют на политически ориентированных и, соответственно, потенциально близких к джихадистам и «ученых», или принципиально отказывающихся говорить на политические темы. Вряд ли можно согласиться с социологами, утверждающими, что такое разделение связано исключительно с желанием понять и оправдать знакомых и соседей, присоединившихся к салафитскому лагерю — оно все же имеет под собой и вполне реальную основу. Так, например, известно, что, в отличие от «политических», «ученые» салафиты не стремятся институционализироваться и коллективно представлять свои интересы в общественном поле.

Впрочем, вытеснение из общественной жизни и тех и других ведет к сближению «ученых» с политическими и радикализации обоих. В результате скрытые салафиты волей-неволей превращаются в своеобразных агентов ИГИЛ.

Долгое время «ан-Нахда» пыталась работать с салафитами, с одной стороны, стремясь через них заручиться поддержкой у бедных слоев

населения, с другой, — стремясь дерадикализировать этот лагерь. Однако если и в период пребывания партии у власти отношения у нее с салафитами складывались неровно, то сегодня, после совершенного ею «республиканского поворота», они совершенно испортились: «Мы пытались раньше работать с ними, уговаривать, вести переговоры. Но потом поняли, что это совершенно бессмысленно, диалог с ними невозможен», — утверждает один из депутатов «ан-Нахды».

Что заставляет людей обращаться к ИГИЛ и уезжать из страны в Сирию, порывая все связи с родными (истории про пересылаемые семьям деньги — миф)?

Вот несколько историй о молодых людях из народных кварталов Туниса. Все они довольно типичны — подобные байки передаются из уст в уста, обрастая легендами и становясь частью городского фольклора:

«Один парень из нашего квартала (хума) работал в Ливии. Там его схватили люди из ИГИЛ, отправили на корабле в Сирию и заставили вести джихад. Он погиб».

«Помнишь Тарека? Ты наверняка с ним виделся — так вот, он теперь в ИГИЛе, я с ним по скайпу общаюсь. Тареку двадцать два, он маленький, хрупкий такой, женоподобный. Он из очень бедной семьи, живет с мамой, школу не закончил. Сначала он был безработным — целыми днями сидел в кафе, а когда скапливал на поденной работе немножко денег, тут же их пропивал. Понимаешь, ты сидишь в кафе, пьешь целый день один стакан кофе, потому что денег больше ни на что нет, и понимаешь, что и через много лет все также будешь сидеть в этом кафе. В общем, он решил уехать в Италию. Скопил денег, мать продала золотую цепочку и кольцо — набралось как раз полторы тысячи динар (ок. 750 евро. — В. К.), поехал в Келибию искать перевозчика. Когда передавал деньги, пришла полиция. Его посадили. Били много в тюрьме. Вышел он в абсолютной депрессии — он ненавидел эту страну и не знал, как показаться на глаза матери. Она, конечно, стала его успокаивать. Позвала дядю, и тот дал Тареку несколько сотен динар, чтобы он открыл свою лавочку. Он стал торговать на рынке — заколками и всяким таким. Рядом стоял салафит. Они часто вместе возвращались домой, и Тарек все ему рассказывал, жаловался на свои горести. Салафит посоветовал пойти помолиться. Так Тарек стал ходить в мечеть и проводить время с салафитами. Они ему очень

помогали — когда кто-то пытался обидеть его на рынке, они его всегда защищали. Вообще, ведь если по кварталу идут салафиты, то с ними никто связываться не хочет — огребешь так, что мало не покажется. Поэтому они дают всегда лучшую защиту. Как-то раз они говорили про Сирию, салафиты объяснили ему, что там убивают мусульман. Потом один из них дал ему 3000 динар — вроде бы на бизнес, но на самом деле просто так. Тарек тут же побежал и купил маме цепочку и кольцо. А потом он уехал в Сирию. Сначала в Ливию — с пятнадцатью другими ребятами через Рас Джедир. Там КПП, но их пропустили — значит, военные в курсе и помогают ИГИЛ. В Ливии он провел сорок дней — читал Коран и учился стрелять. Оттуда его переправили в Сирию. Он там и живет. Женится, работает в кафе, а когда надо, идет убивать. Он зарабатывает копейки — чуть ли не сто долларов в месяц, спит в комнате размером что твой туалет. Я знаю Тарека, он врет! Он говорит все время про джихад, халифа, смерть. Но я же знаю — он любит жизнь, он хотел бы вернуться в Тунис! Но ведь и тут не жизнь»¹.

«Есть такой рэппер Эмино, красивый такой. Он делал раньше dirty rap — ну там девочки, косяки, пиво и все такое. У него были даже концерты во Франции и в Марокко. Однажды у них с друзьями была вечеринка, и они курили траву. Нагрянула полиция, всех посадили. Его много били в тюрьме, и он вышел из полиции с ненавистью к стране, к власти, ко всем. Потом Weld El-15 спел свою «Менты суки», написав в клипе посвящение Эмино. Тогда его снова посадили. Его — известного рэппера, звезду, заставляли мыть сортиры, издевались всячески. Он сказал охранникам как-то, что хочет поменять гражданство. Тогда его отвезли в МВД и избили совсем сильно. Выйдя из тюрьмы, он сделал новый клип, где упомянул, что хочет в Сирию. После этого, видно, на него салафиты и вышли. Он сейчас в Ираке, воюет, убивает, делает клипы — теперь уже без пива и всего такого, зато с черными флагами...»

Таких легенд множество. Во всех них правда переплетается с вымыслом, во всех рассказчики оправдывают игиловцев, во всех присутствуют одни и те же элементы — несправедливость власти, жестокость полиции, бессмысленность существования на родине:

¹ В период подготовки к публикации настоящего материала герой этой истории был убит в бою с сирийской армией. В ИГИЛ у него остались жена и ребенок.

«— Почему ИГИЛ популярен в твоём квартале?
— Ну как почему? Тут же у молодежи никакого будущего, тут нет денег, тут везде полиция. Тут нет

свободы, а там есть».

То, что ИГИЛ — это свобода и будущее, отсюда кажется безумием, однако такое объяснение популярности джихадистов давали довольно многие мои собеседники, сами по себе этой идеологии совершенно не симпатизирующие:

«Нравится ли мне ИГИЛ? Да брось. Когда мне было шестнадцать, я торговал сигаретами на улице, когда стало восемнадцать, танцевал брейкданс, потом был рэппером, сейчас снимаю скетчи. Я не хочу быть шахидом. Я хочу быть артистом и сценаристом. У меня будет будущее, будут деньги, сам увидишь», — откровенничает тот же собеседник, что говорил о свободе в ИГИЛ.

То, что зверства, совершаемые джихадистами,

не только не вызывают отторжения у молодых людей, но, кажется, и вообще оставляют их более или менее равнодушными, по всей видимости, объясняется несколько иным отношением к насилию как таковому в народных

кварталах. Драки на ножах тут можно увидеть в любое время суток и повсеместно, исполосованные шрамами руки и тела — норма: «Вчера двое поссорились из-за места на рынке, один другого пырнул ножом».

В южных, близких к ливийской границе регионах такая толерантность к насилию имеет несколько иные корни, но сути дела, в общем-то, не меняет: «ИГИЛ? А что ИГИЛ? Да мы в Ливии все — ИГИЛ. У нас нет никакой культуры диалога, мы сразу режем друг друга», — признается высокопоставленный чиновник «Фаджр Либия».

В целом же, если суммировать ответ на вопрос о популярности ИГИЛ в стране, то, кажется, он лежит в самой природе туниССкого общества. В конечном счете это общество «повелителей мух» — мир пацанов. Не мужчин и не молодых людей, а именно пацанов, так или иначе брошенных на произвол судьбы. И им свойственно то же, что и всем пацанам. Им хочется свободы, будущего, секса, приключений, их не пугает опасность и не страшит насилие. Адреналин в них закипает. Они иногда глуповаты и наивны. Им хочется верить в справедливость и хотя бы какие-нибудь идеалы. И если ничего из этого им не может дать ни общество, ни государство, то они едут в Сирию.

ИГИЛ, таким образом, становится для этих ребят естественным продолжением Арабской весны, ведь в 2011 г. они выходили с голыми руками против полиции и армии ровно за тем же — чтобы обрести свободу и будущее. Однако четыре года демократического транзита конкретно им не дали вообще ничего.

Институт востоковедения РАН — одно из старейших (основан в 1818 г.) и крупнейших (около 500 сотрудников) академических институтов России. Ведет исследования по широчайшему кругу проблем классического и современного цикла — древней, средневековой, новой и новейшей истории Востока, современной политики, экономики, религии, археологии, литератур и языков стран Азии, Северной Африки и Океании. Ученые ИВ РАН активно занимаются изучением государств «южного пояса» СНГ — Центральной Азии и Южного Кавказа, а также российских регионов Урало-Поволжья и Северного Кавказа.

В бюллетене отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Института востоковедения РАН

Подписано в печать 21.07.2015. Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-89282-650-1

© Институт востоковедения РАН, 2015

Дизайн, верстка А. В. Ельцевой

Редактор В. Д. Каратеева. Корректор М. Я. Колесник

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А.В. Сарабьев
e-mail: izd@ivran.ru

Тел.: +7 (495) 621-1884

Факс: +7 (495) 623-1909

E-mail: inf@ivran.ru

<http://www.ivran.ru>